

ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА МАРКОВА*
Московский государственный областной университет, Москва
Университет Св. Кирилла и Мефодия, Трнава

«СУДЬБА» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НА ИНОСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ

В статье речь идёт о смысловом объёме и средствах языковой объективации концепта *судьба* в русском языке в сопоставлении со славянскими языками (чешским, словацким, сербским, хорватским). В результате сопоставительного анализа устанавливается формально-смысловая специфика данного ментально-лингвального феномена в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: языковая картина мира, вербализация концепта, славянские языки, русская лингвокультура

Elena Mikhailovna Markova

?FATE? IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN COMPARISON TO THE CROSS-SLAVIC CONTEXT

In this article we investigate the content and resources that are used for language objectivization of the concept *fate* in Russian in comparison to other Slavic languages (Czech, Slovak, Serbian, Croatian). As a result of the comparative analysis we establish this cognitive and linguistic phenomenon based on the form and meaning in the Russian language conceptualization of the world.

Key words: language picture of the world, verbalization of the concept, Slavic languages, Russian linguoculture

В число концептов большинство лингвистов включают лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют «наивную картину мира» носителей языка, образуя концептосферу данного языка. В более узком понимании к числу концептов относят семантические образования, отмеченные лингвокультурной

* elena-m-m@mail.ru

спецификой и тем или иным образом характеризующие носителей определённой этнокультуры. Наличие у слова национально-культурной специфики признается фактором, придающим ему статус концепта (Нерознак 1998: 85). В качестве этноспецифического может выступать и признак, положенный в основу номинации – внутренняя форма слова. На наш взгляд, совокупность признаков основ лексем, объективирующих какой-либо концепт, и составляет его ядро. С целью выявления релевантных, ядерных признаков концепта *судьба* в русском языковом сознании и соотнесении их со смысловым объёмом в других славянских языках (чешском, словаком, сербском, хорватском) мы обратились к анализу внутренней формы вербализующих его лексем.

В русском языке понятие «судьба» транслируется многочисленным рядом лексем: *судьба, судьбина, доля, удел, юдоль, участь, часть, крест, Голгофа, планида, рок, фатум, предназначение, предназначение, провидение, промысел, фортуна, жребий* (РСС), *дорога, путь, роستانь*. Хотя в смысловом отношении перечисленные лексемы очень близки, их нельзя назвать синонимами, т. к. каждая из них характеризует анализируемый концепт со своей стороны, объективируя собой не только первоначальное представление, но и коннотацию – положительную или отрицательную.

Судьба определяется толковыми словарями как 'то, что суждено, предначертано свыше, ход жизни, не зависящий от воли человека' (РСС), 'стечение обстоятельств', 'участь, доля, жизненный путь', но первоначальное значение – 'воля божества, предопределяющая все, что происходит в жизни' (ТСРЯ). Недаром синонимами этого слова в русском языке являются лексемы *предопределение, предназначение, предназначение, провидение* (часто в сочетании *воля провидения*), *промысел* (в сочетании *промысел Божий*), определяющие судьбу как нечто заранее написанное, начертанное, назначенное, увиденное, мысленное кем-то сверху. В чешском и словацком языках им соответствуют лексемы *předurčení* 'предопределение', *řizení boží* 'Божий промысел', *boží vůle* 'воля Божья', *boží prozřetelnost* 'Божье провидение', *predestinace* 'предопределение', *predeterminace* 'предзнаменование', *providence* 'провидение', в сербском и хорватском – *predodređenost* 'предопределение', *predestinacija* 'предопределение'.

Ядерная лексема *судьба* имеет общеславянский характер и является производным от **sqdъ* 'суд', бытуя в болгарском, сербском, хорватском, словацком языках. В чешском в этом значении используется однокоренное *osud* 'судьба', в сербском и хорватском известно и ныне устаревшее *sudbina* 'судьба' (скорее всего, из рус. *судьбина*, но с амбивалентной семантикой в отличие от русского коррелята). В древнерусском языке известно с XI в. в значениях 'суд', 'судилище', 'правосудие',

’приговор’. Однако уже И. И. Срезневский отмечал семему ’предопределение’. Предположительное развитие значений: ’божий суд’ (’приговор небесных сил’) → ’предопределение’, ’рок’ (ИЭСРЯ). Поэтому изначальное понимание судьбы – ’то, что предписано, предопределено Богом’, т. е. происходит вне воли человека, о чём свидетельствует и устойчивая синтагматика этой лексемы: *превратности судьбы* ’резкие и неожиданные повороты в жизни’, *ирония судьбы* ’странная случайность’, (книжн.) *перст судьбы* ’о том, что явилось определяющим событием в чьей-л. жизни’, *подарок судьбы* ’о большой и неожиданной удаче, радости’, (книжн.) *волею судеб* ’случайно’, *избранник судьбы* ’счастливец’, *бросить кого-л. на произвол судьбы* ’не заботясь о положении кого-л., оставить в беспомощном состоянии’, *судьба улыбнулась* ’повезло’, (разг., шутл.) *судьба-индейка* ’о незадачливой, трудной судьбе’, *испытывать, искушать судьбу* ’делать что-л. сопряжённое с излишним риском’.

Слово *рок*, производное от *ректи* ’говорить’, вначале значило ’предсказанное’, откуда в дальнейшем развилось значение ’судьба’ (аналогичное семантическое развитие свойственно и его синониму *фатум* из лат. *fatum* ’судьба’ от лат. *fari* ’говорить’). Затем лексема *рок* стала использоваться для обозначения времени, срока. Семантическая структура её в древнерусском языке включала в себя значения: ’срок’, ’год’, ’возраст’, ’судьба’. Несмотря на то что сема ’судьба’ у лексемы *рок* в словаре древнерусского языка И. И. Срезневского представлена последней, это не отражает путь смыслового развития слова. Этимологически значение данного слова восходит к тому, что *предречено, предсказано*, то есть к значению современного русского *рок*. Впоследствии только в русском языке оно вышло из активного употребления в своих «временных», более поздних, значениях, сохранившись для обозначения судьбы (обычно несчастливой). «Отрицательная» коннотация этого слова связана с тем, что предсказания чаще всего касались несчастий, смерти, поэтому их боялись. При этом оно имеет стилистическую окраску возвышенности, приподнятости и встречается в устойчивых выражениях: *злой рок, рок преследует*, а также в составе прилагательного *роковой* (т. е. трагический, зловещий). Вместе с тем в других славянских языках (напр., чешском, словацком) *rok* обозначает ’год’, таким образом, в этих языках сохранилось более позднее, темпоральное, значение. В чешском, словацком, сербском, хорватском в этом значении используется заимствованное *fatum*, однако в хорватском известно и слово с аналогичной мотивемой *sreća* (букв. ’изречённое’). В сербско-хорватском языковом ареале бытует и слово *kob* в значении ’судьба, рок, фатум’ (по мнению этимологов, пришедшее из средневековой латыни и известное в древности и в других славянских языках), образованное от ст.-нем. *kobbe* ’ворон’ (ESJČM). Это метонимическое значение связано с тем, что крик ворона считался

плохой приметой, имел плохое предзнаменование, предвещал, гибель (вороны, как известно, слетаются на мёртвые тела). В русском языке известен когнитивно близкий глагол *каркать* (первоначально о звуках, издаваемых вороном, а затем в переносном значении: 'предрекать, высказывать предположения о чём-то плохом').

Рус. *жеребий* в современном русском языке также обозначает судьбу и имеет, как и лексема *рок*, в словарях маркировку 'высокое, книжное' (в то время как его этимологический коррелят чеш. *hřebík* (ст.-чеш. *hřebí*) относится к артефактной лексике и обозначает 'гвоздь'). Оба рефлекса восходят к деривату от праславянского **žerb* (**greb*) 'вырывать, вытягивать', первоначально обозначавшему 'колышек, при помощи которого вытягивались номера, знаки при жеребьёвке или предсказании' (SČS). Так семантика этимона, включающая в себя несколько признаков, послужила основанием для развития отдельных его признаков в разных славянских языках. В чешском языке семантическая эволюция лексем была следующая: 'деревянный колышек' → 'гвоздь' (который вначале был деревянным). Другое направление семантического развития, представленное в русском языке, основано на метонимическом переносе и связано с тем, что деревянный колышек указывал на выпавший жребий, судьбу: 'колышек, указывающий на выпавший жребий' → 'жеребий как выпавший номер' → 'жеребий, судьба, рок'. Отсюда наличие энантиосемичных векторов в семантике и соответствующего лексического окружения: *жалкий жребий*, *выпал трудный жребий* и *счастливый жребий*. Свидетельством совмещённости первичных значений является семантика ст.-чеш. *hřebí*, объединявшая семемы 'жеребий, рок, судьба' и 'гвоздь' (SČS). Первая из них впоследствии была утрачена чешской лексемой, но стала основной для ст.-слав. *жеребий*, откуда это слово было заимствовано в русский язык (исконно русский вариант этого корня – *жереб-*, ср. *жеребьёвка*). Известно в виде *žreb* и в словацком языке, который в лексическом плане ближе к русскому, чем чешский. В чешском же в этом значении в силу исторических причин (длительного господства немецкого языка как государственного) закрепилось заимствованное из немецкого *los*, которое бытует во многих выражениях, напр.: *volit losem* 'выбирать по жребью', *padl na něho los* 'на него пал жребий', *metat los* 'бросать жребий', *zlý los* 'злой рок', а также в качестве корня в словах *losovat* 'метать жребий, проводить жеребьёвку', *losování* 'жеребьёвка', откуда и слово *loterie* – рус. *лотерея*. Таким образом, идея случайного выбора, случайности в судьбе присутствует во всех языках.

В рассматриваемом синонимическом ряду в русском языке лишь слово *фортуна* имеет положительную коннотацию, манифестируя собой счастливый случай, удачу, которые могут изменить трагический ход событий. Слово было заимствовано в Петровскую эпоху из латинского

языка, где оно было образовано от *fors* 'случай, неожиданность' (откуда *форс-мажорные обстоятельства*), затем 'удача' от глагола *ferre* 'носить' → 'преподносить, ниспосылать', т. е. буквально *фортуна* – 'ниспосланное (Богом)' (КЭСРЯ). Этим именем была названа римская богиня счастья, удачи и случая, изображающаяся с рогом изобилия, иногда на колесе или с символической повязкой на глазах, с чем связаны выражения: *баловень фортуны* 'счастливчик', *фортуна слепая, превратности фортуны, колесо фортуны* 'изменчивое, непостоянное счастье', в которых положительная судьба предстаёт непостоянной, случайной, временной. На мелиоративную семантику данной лексемы указывают и родственные просторечные дериваты из воровского жаргона *подфартило* – 'повезло' от *фартить* 'везти', 'удаваться', *фартовый* 'удачливый' (ТСРЯ).

В дальнейшем лексема *судьба* развила конверсивную семантику 'то, что происходит с кем-л., события жизни; история существования кого-чего-л.' на основе метонимического переноса: 'высшие силы, определяющие что-то' → 'то, что определяется высшими силами'. При этом потенциально в семантике лексемы заложена возможность амбивалентного развития, ведь *судьба* в этом смысле может быть как хорошей, удачной, так и плохой, тяжёлой, наполненной страданиями и трудностями, поэтому все лексемы, связанные с выражением этой семантики, коннотативно окрашены, чаще всего имеют пейоративную коннотацию.

Мотивационно, когнитивно и коннотативно близкими являются русские лексемы *доля, удел, предел* и *участь*. *Доля* относится к исконно русским суффиксальным образованиям от *делить* (т. е. буквально 'то, что отделено', 'часть'), так же как и *удел*. *Участь* также является собственно русским дериватом от *часть* (КЭСРЯ). Таким образом, все три лексемы: *доля, удел* и *участь* – обозначая первоначально нечто отделённое, часть, затем развили в русском языке на основании метафорического переноса абстрактное значение 'судьба' в смысле 'часть, выделенная Всевышним'. Две из них: *доля* и *участь* – устойчиво используются с негативной коннотацией, что выражается в их частотных синтагматических связях, ср.: *женская доля, бабья доля, сиротская доля, вытасть на чью-л. долю, тяжёлая участь, горькая участь, участь быть убитым, разделить чью-л. печальную участь* и т. п., хотя возможны и антонимичные сочетания: *счастливая доля, счастливая участь*. Слово *удел*, став устаревшим, закрепилось в книжной речи чаще всего в мелиоративном значении в выражениях: *счастливый удел, достаться в удел кому-н.*, хотя его просторечный вариант *предел* обозначает тяжёлую, трудную судьбу, что представлено, например, в следующем контексте: *Такой уж, видно, ему предел был на чужбине умереть*. Ещё более высоким является старославянский вариант лексемы *удел* – *юдоль*, которое можно встретить, например, в сочетании *земная юдоль*, т. е. 'жизнь с её печалью и забо-

тами', в котором также чувствуется тяготение к отрицательной эмоциональности. В чешском и словацком языках из слов с данной внутренней формой используется *úděl*, в сербском и хорватском *ides, idio*.

Отрицательную коннотацию, связанную с представлениями о несчастливой судьбе, тяжёлой участи, имеют и синонимичные лексемы *судьбина* (обычно *горькая судьбина*), (прост.) *планида* (ср. типичный контекст: *выпала злая планида*). Во многом это обусловлено религиозными причинами: связано с трагической судьбой Иисуса Христа, с его страданиями за человечество, что обусловило изменение семантики лексем *крест* и *Голгофа*, которые стали метонимически употребляться как синонимы несчастной, страдальческой, тяжкой судьбы, что вербализуют фраземы: *нести свой крест, идти на Голгофу*.

Ещё одним ярким примером концептуального развития является эволюция значения слова *дорога* в русском языковом сознании. Лексема является суффиксальным образованием от *дирать* 'драть, чистить' и означала буквально 'расчищенное (для прохода) место' (КЭСРЯ). Тот же признак положен и в основу чеш. *cesta* 'дорога', деривата от общеславянского *чистить* (ČES), в отличие от русского коррелята, не получившего семантического развития, связанного с концептом «судьба». О концептуальном, символическом развитии семантики этого слова в русском языке свидетельствуют такие сочетания, как *жизненная дорога, жизненный путь, дорога жизни, дорога смерти*, а также сигнификативно связанного с ним понятия перекрещивающихся дорог, обозначаемых лексемами *перекрёсток, перепутье, распутье, расстань*. В других славянских языках есть денотативно эквивалентные лексемы чеш. *rozcestí* 'распутье', *křižovatka* 'перекрёсток', хорв. *raskršće, raskrsnica* 'распутье', *křižanje* 'перекрёсток', *raskrižje (putova)* 'перепутье дорог', но в значении рус. *стоять на распутье* используются чеш. *být na rozpacích*, слов. *byť v rozpakoch* 'быть в смущении, замешательстве', хорв. *biti u nedoumici, u dilemi* 'быть в недоумении, решать дилемму'. Таким образом, слово *дорога* и его синонимы *распутье, перепутье, перекрёсток, расстань* получили дальнейшее смысловое распространение, связанное с концептом *судьба*, только в русском языке.

Слово *расстань* приобрело особенно важный смысл для русского языкового сознания, обросло многочисленными смысловыми наращиваниями, уходящими корнями в древнюю мифологию и отражающими представления и мировосприятие русского человека, поэтому мы решили остановиться на нем подробнее. Оно принадлежит к единицам национального русского языка, находящимся на языковой периферии и малознакомым или вообще неизвестным обычному носителю русского языка, вместе с тем широко распространённым в диалектах, в особен-

ности севернорусских, в говорах Урала и Сибири, примыкающих к ним, а также в художественной речи. Лексема *росстань* известна еще с древнерусского периода, чему существует документальное подтверждение: оно зафиксировано в Словаре русского языка XI-XVII вв.: '*Росстани* (*Ростани*), мн. Разветвление дорог или перекресток' (СРЯ XI-XVII). В современном русском языке денотативное значение лексемы *росстань* не изменилось (ТСРЯ).

Лексема имеет «прозрачную» внутреннюю форму, прямо указывающую на этимологию, что способствовало её закреплению и распространению не только в диалектной речи, но и в литературе. Её мотивом послужил глагол *расставаться / расстаться*, – 'место, где расстаются'. Во внутренней форме лексемы *росстань* заложены большие семантико-коннотативные потенции, что является важным фактором его дальнейшего концептуального развития. В отличие от его синонимов *перекрёсток*, *раздорозье*, *перепутье*, *распутье*, *развилка*, мотивационно связанных с понятиями 'перекрещиваться, пересекаться', 'дорога', 'путь', 'влиять, поворачивать', слово *росстань* эксплицирует собой признак 'расставание', что рождает целый шлейф дополнительных смыслов.

Словарь русских народных говоров зафиксировал следующие варианты употребления слова *росстань* в севернорусских диалектах: 'перекрёсток или разветвление дорог, развилка'; 'дорожка, отходящая от большой дороги'; 'место слияния двух ручейков'; 'расставание, прощание на перекрёстке дорог, разлука' (СРНГ). В сознании русского народа *росстань* обладает мифологическим смыслом, с ней были связаны обряды, общение с «нечистой силой», гадания. Считалось, что на *росстани* можно получить предсказание. Толковалось гадание по характеру звуков, которые были слышны на месте гадания, от чего пошло выражение *слушать на росстани*. *Росстань* как «предсказатель» фигурирует и в русских былинах и русских сказках. Непременным сюжетным элементом их является выезд богатыря или сказочного героя на *росстань*, развилку. Обычно герой обнаруживает там камень или столб с надписью, указывающей варианты предстоящей ему судьбы: быть '*убиту*', '*женату*', '*богату*'. Таким образом, в русском фольклоре слово *росстань* приобретает ярко выраженную мифолого-поэтическую символику, становясь мифологемой, связанной с понятиями «прощание», «предсказание», «судьба», «выбор», «гибель», «встреча».

Л. Н. Толстой, М.М. Пришвин в своих произведениях возводят слово *росстань* в ранг философской категории, метафорически придавая ему значение выбора жизненного пути. От того, какую *росстань* выберет человек, зависит вся его судьба. В дальнейшей семантической эволюции *росстань* вербализует собой не только выбор отдельным человеком своего личного духовного пути, но символически обозначает

глобальный выбор целого народа. *Росстань* – это и символ глубокого размышления над судьбой отдельного человека и судьбой всей страны не только в исторический момент смены власти, но и в наше время. Сейчас это слово возникает в контексте размышления над тем, покидать ли деревню, уезжать ли в город, навсегда распрощавшись с сельской жизнью, и к чему это приведет, что станет с Россией. Таким образом, слово *росстань* концептуально соприкасается с раздумьями о судьбе России, что делает соотносимым его не только с концептом *судьба*, но и с концептом *родина*. В произведениях русских писателей слово *росстань* наделяется глубоким философским смыслом, становясь и символом *ожидания*, и местом судьбоносной *встречи*, предначертанной *судьбой*. Оно символически стало обозначением места *раздумий*, где человек останавливается и задумывается над тем, куда направить путь, какой выбор сделать. Можно представить вектор семантического развития лексемы в виде следующих семантических переходов: 'расставаться' → 'место, где расстаются' → 'выбор дороги' → 'путь' → 'судьба'.

Признаки, положенные в основу номинации, эксплицируют наивные представления народа о том или ином явлении, объекте действительности. В соответствии с этими представлениями *судьба* в русском мировосприятии это не только то, что 'предсказано', 'предначертано', 'часть, выделенная Богом', 'то, на что осуждён человек Всевышним', как в других славянских языках. В этом понятии философски сталкиваются случай, удача (*фортуна*, *счастливый жребий*) и закономерность как часть от целого (*доля*, *удел*, *участь*). Судьба бывает, с одной стороны, хорошая, счастливая (что выражают, в основном лексемы *судьба* (с амбивалентной семантикой), *фортуна* (с положительной оценочностью, ср. *фортуна улыбнулась*), что для русского сознания нетипично, редко, преходяще, с другой – плохая, несчастная (что бывает чаще, в представлении русских, поэтому и лексем с пейоративной коннотацией, вербализующих этот концепт в русском языке, больше: *доля*, *удел*, *участь*, *рок*, *жребий*, чаще всего в сочетаниях *тяжелая доля*, *трудная участь*, *злой рок*, *тяжкий жребий*). Но, с точки зрения русского мировидения, это не снимает и с самого человека ответственности за его судьбу, его жизненный удел, т. к. *судьба* – это и *выбор дороги*, по которой идти в жизни, который связан с 'перепутьем, перекрёстком дорог, это и сама *дорога*, *жизненный путь*.

Использованная литература

Нерознак, В. П. „От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма”. Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск, 1998: 80–85.

Словари и их сокращения

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1978–1980.

ИЭСРЯ – Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. М., 1993.

КЭСРЯ – Шанский, Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М., 1995.

РСС – Русский семантический словарь / Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. В 3-х т. М., 2003.

СРНГ – Словарь русских народных говоров (Под ред. Ф. П. Филина). Л. – Спб., вых. с 1965.

Срезн. – Материалы для словаря древнерусского языка. в 3-х тт. М., 2003.

СС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.), 2-е изд. М., 1999.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка в 4-х т. Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2007.

ЭСРЯ – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., 2-е изд. М., 1986.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (Под ред. О. Н. Трубачева). М., вых. с 1974.

ESJČM – Machek, V. Etymologický slovník jazyka českého, 3-é vyd. Praha: Lidové noviny, 2010.

RHS – Rusko-hrvatski rječnik. Zagreb: Školska knjiga. 2002.

SČS – Gebauer, J. Staročeský slovník. T. 1–2. Praha, 1903–1916.

SSČ – Slovník spisovné češtiny pro školu a veřejnost. Praha, 2003.

TJČ – Klegr, A. Tezaurus jazyka českého. Slovník českých slov a frází souznačných, blízkých a příbuzných. Praha, 2007.

Јелена Михајловна Маркова

„СУДБИНА” У РУСКОЈ ЈЕЗИЧКОЈ СВЕСТИ ИЗ ПЕРСПЕКТИВЕ
ДРУГОГ СЛОВЕНСКОГ ЈЕЗИКА

Резиме

У раду се говори о смисаоном обиму и средствима језичке објективизације концепта *судьба* у руском језику у поређењу са другим словенским језицима (чешким, словачким, српским, хрватским). На основу конфронтационе анализе установљује се формално-смисаона специфичност овог ментално-лингвалног феномена у руској језичкој слици света.

Кључне речи: језичка слика света, вербализација концепта, словенски језици, руска лингвокултура